

Т. Н. Гончарова<https://orcid.org/0000-0002-9342-7139>✉ t.goncharova@spbu.ru*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

«СТЕНЬКА РАЗИН» ПРОСПЕРА МЕРИМЕ: КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Аннотация. Исторический очерк «Стенька Разин» Проспера Мериме (1-е изд. 1861) никогда не переводился на русский язык. Долгое время его считали сокращенным переводом на французский монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858). Тем не менее сопоставительный анализ обоих текстов убеждает в том, что очерк французского писателя имеет самостоятельную историческую и литературную ценность. В отличие от Костомарова, который воссоздал широкую картину народного бунта, в центре повествования Мериме — фигура казачьего атамана. В публикации представлен перевод (по французскому изданию 1865 г.) третьей главы очерка Мериме. В ней рассказывается о Персидском походе «воровских казаков» (1668–1669), за которым последовало их триумфальное возвращение на Дон с богатой добычей. Успешный исход грабительских налетов, как и щедрость лихого атамана, способствовали росту его авторитета среди бедноты, привлекая к нему все больше и больше сторонников. В целом, события, изложенные в третьей главе, предстают как подготовка кульминационного этапа разинского движения, который пришелся на 1670–1671 гг.

Ключевые слова: П. Мериме, Н. И. Костомаров, Стенька Разин, Персидский поход, атаман, «воровские казаки», перевод

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00615, <https://rscf.ru/project/23-28-00615>.

Для цитирования: Гончарова Т. Н. «Стенька Разин» Проспера Мериме: комментированный перевод третьей главы // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 300–319.

Поступило 14 февраля 2024 г.; принято 21 мая 2024 г.

T. N. Goncharova

<https://orcid.org/0000-0002-9342-7139>

✉ t.goncharova@spbu.ru

Saint-Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)

“STENKA RAZIN” BY PROSPER MÉRIMÉE: A COMMENTED TRANSLATION OF THE THIRD CHAPTER

Abstract. The historical essay “Stenka Razin” by Prosper Mérimée (first published in 1861) has never been translated into Russian. It was long considered an abridged translation into French of N. I. Kostomarov’s monograph *The Revolt of Stenka Razin* (1858). Yet, comparing both texts, one must recognize the real historical and literary originality of the French writer. Unlike Kostomarov, who gives a broad picture of a popular revolt, Mérimée’s narrative is centered on the figure of the Cossack ataman. The fragment translated here, based on the French edition of 1865, is the third chapter of the essay. It tells of the Persian campaign of the “raiding Cossacks” (1668–1669), followed by their triumphant return to the Don with rich booty. The central part of this chapter deals with the legend of the captive Persian princess, whom Razin allegedly threw into the waters of the Volga River. Mérimée, following Kostomarov, provides various explanations for this cruel action by the ataman, which looks senseless only at first glance. The successful outcome of the Cossack robber raids, as well as the generosity of the dashing ataman, contributed to the growth of his authority among the poor, and attracted more and more supporters to his army. In general, the events described in the third chapter appear as preparation for the culminating stage of the Razin movement, which occurred in 1670–1671.

Keywords. P. Mérimée, N. I. Kostomarov, Stenka Razin, Persian campaign, ataman, “raiding Cossacks”, translation

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00615, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00615>.

To cite this article: Goncharova, T. N. (2024). “Stenka Razin” by Prosper Mérimée: A commented translation of the third chapter. *Shagi / Steps*, 10(3), 300–319. (In Russian).

Received February 14, 2024; accepted May 21, 2024

Французский мастер новеллы Проспер Мериме (1803–1870) проявлял большой интерес к истории России, в своих занятиях которой более всего внимания уделял казачеству. Его очерк «Бунт Стеньки Разина»¹, впервые опубликованный в «Journal des savants» в 1861 г., впоследствии переиздавался лишь однажды — в сборнике «Казачьи былые времена» 1865 г. еще при жизни автора [Mérimee 1861; 1865]. К этому времени Мериме имел уже десятилетний опыт изучения русского языка и являлся автором нескольких французских переводов А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя [Darcos 1998: 294–297]. На русский язык упомянутый очерк никогда не переводился, вероятно, потому что долгое время его считали сокращенным переводом на французский одноименной монографии Н. И. Костомарова, увидевшей свет в «Отечественных записках» в 1858 г. Популярность, которую снискал этот исторический труд, имела следствием его издание отдельной книгой в 1859 г. [Костомаров 1858; 1859].

Предположительно библиофил С. А. Соболевский, с которым П. Мериме состоял в дружеских отношениях, стал тем информатором, от которого писатель узнал о труде Н. И. Костомарова, вдохновившем его на создание собственного очерка о донском казаке Степане Разине (ок. 1630–1671), предводителе одного из наиболее крупных народных движений «Бунташного века» [Cadot 2004: 125]. Мериме нисколько не скрывал тот факт, что его очерк не является самостоятельным историческим исследованием. Напротив, его первоначальную журнальную публикацию предваряло указание как на вышеупомянутую работу Костомарова, так и на французское репринтное издание анонимного «Сообщения касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным» (Париж, 1672) [Relation 1856]. Автор «Сообщения», судя по всему голландец, находившийся в Москве «по крайней мере в первой половине 1671 г.», дал достаточно точное изложение основной канвы событий с опорой на правительственные документы, слухи и собственные наблюдения [Маньков 1968: 88]. Н. И. Костомаров активно использовал «Сообщение», о чем свидетельствуют многократные его упоминания в кратких ссылках на источники, которыми он сопровождал свое исследование [Костомаров 1859: 162, 179–180, 211 и др.].

В первых абзацах своего очерка П. Мериме дал высокую оценку работе выдающегося русского историка, отметив ее драматический накал, силу и яркость изложения, верность исторической правде. «Он старательно собрал не только все печатные и рукописные источники, обнаруженные в библиотеках и архивах России, но и местные предания и даже народные песни, которые зачастую лучше официальных свидетельств создают представление о чувствах и страстях народных масс». Многочисленные диало-

¹ Название очерка Мериме для журнальной публикации было написано на кириллице, однако в него вкралась опечатка: «Вунть Стеньки Разина» [Mérimee 1861: 389]. Вероятно, подмена буквы *B* латинской *V* произошла при наборе текста в типографии. При этом указанную опечатку нельзя назвать совершенно случайной, так как обе буквы читаются одинаково.

ги, по мнению писателя, привнесли в повествование дополнительный колорит. «Продуманное и умелое использование этих прикрас нисколько не вредит истине...», — утверждал он [Mérimee 1865: 296–297]. В сущности, «Бунт Стеньки Разина» в полной мере отвечал представлению Мериме о том, каким должен быть исторический труд, несмотря на дополнительные усилия, которые потребовались от него для постижения смысла казачьих слов, таких как *дуванить* ‘распределять награбленное среди казаков’ или *ясырь* ‘военная добыча’.

Возглавленное С. Разиным народное движение, охватившее обширные территории Придонья, Поволжья, Прикаспия с 1667 по 1671 г., вызвало определенный резонанс в Европе, породив ряд публикаций иностранцев, современников и очевидцев этих событий, в частности, упомянутое выше «Сообщение» [Маньков 1968]. Тем не менее очерк Мериме начинается с констатации: «Имя Стеньки Разина почти неизвестно во Франции» [Mérimee 1865: 295]. Действительно, к середине XIX в. из казачьих предводителей там знали в основном гетмана Войска Запорожского Ивана Мазепу (1639–1709) — героя поэм Дж. Байрона, В. Гюго, картин Т. Жерико, Э. Делакруа, Т. Шассерио, О. Верне, Л. Буланже. Проспер Мериме и сам посвятил ему несколько абзацев своей статьи «Украинские казаки и их последние атаманы» (1855) [Гончарова 2023: 37–38]. Но более всего внимания он уделил в ней фигуре гетмана Богдана Хмельницкого (ок. 1595–1657), поднявшего запорожских казаков на вооруженное восстание против Речи Посполитой в 1648–1654 гг. Таким образом, взявшись за написание очерка о Стеньке Разине, Мериме был полон стремления познакомить французского читателя с еще одним незаурядным персонажем российской истории.

Феномен казачьей вольницы, по собственному признанию писателя, вызывал его восхищение [Гончарова 2023: 31]. Герои многих его новелл выдают в нем интерес к надменным и своенравным характерам, способным на жестокие поступки. Стенька Разин, которого Мериме характеризовал как «революционного бандита XVII в.», «коммуниста, социалиста и варвара», воспринимался им как подлинное воплощение бунтарского начала [Darcos 1998: 408]. Первоначальное название очерка Мериме было идентично названию монографии Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Причина в том, что этот очерк создавался для старейшего периодического издания Франции — «Journal des savants», редакторская политика которого состояла в публикации рефератов на книги и статьи французских и иностранных авторов. Однако Мериме в силу масштаба своего писательского таланта и погруженности в тему создал нечто большее, нежели реферат-конспект монографии в привычном понимании. Его подход к информации был сродни подходу историка. Положив в основу своей работы текст Костомарова в качестве первоисточника, он с использованием других доступных ему материалов, прежде всего упомянутого выше «Сообщения», создал собственное произведение, написанное в жанре исторического очерка. Впоследствии, включив его в сборник «Казаки былых времен»,

Мериме счел нужным опустить слово «бунт» из его названия [Mérimée 1865: 295]. В отличие от Костомарова, создавшего широкую картину разинского движения, Мериме тем самым хотел подчеркнуть, что в центре его работы — личность мятежного атамана. Как последователь традиции французской литературы, которая восходит к Вольтеру, П. Мериме славился умением выражать свои мысли коротко и емко. Неудивительно поэтому, что маститый новеллист избрал жанр исторического очерка для рассказа о С. Разине. При одинаковом книжном формате *in octavo* повествование Костомарова в три раза превосходит по объему очерк французского писателя [Костомаров 1859; Mérimée 1865].

В соответствии с вышесказанным Мериме не ограничился сокращенным переводом на французский монографии русского историка. Сопоставительный анализ обоих текстов убеждает в том, что очерк «Стенька Разин» имеет самостоятельную историческую и литературную ценность. Вдохновившись исследованием Костомарова, Мериме свободно переложил его для французского читателя. В этой связи стоит отметить, что Н. И. Костомаров также создал исторический портрет Стеньки Разина, который вошел в состав пятого выпуска «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (Санкт-Петербург, 1874) [Костомаров 1991]. В отличие от знаменитого новеллиста, историк в ходе работы над ним строго придерживался текста своей монографии, сжато пересказав его. Третья глава в изложении Мериме начинается рассказом о Каспийском походе казачьей ватаги Степана Разина во владения персидского шаха с марта 1668 г. по конец августа 1669 г. Совершая грабительские налеты на торговые суда, города и селения, разинцы чинили разорение в приморских провинциях Персии, в состав которой тогда входила «не только территория нынешнего Ирана, но и Азербайджана, Армении, Грузии, Туркменистана, Афганистана, Ирака, Восточной Турции, Кувейта, Бахрейна, часть Пакистана, юг Узбекистана, восток Сирии и даже крайний юг России (Дербент)» [Чертанов 2016: 88]. Много мусульман было перебито и захвачено в плен для обмена на христиан либо продажи в рабство. Персидский поход явился заключительным этапом похода «за зипунами», т. е. за добычей, который начался в мае 1667 г. нападениями «воровских казаков» на идущие вверх и вниз по Волге караваны купеческих судов.

Это было время, когда донские казаки перестали получать в достаточном количестве субсидии деньгами, воинскими припасами и зерном из Москвы. Андрусовское перемирие положило конец русско-польской войне (1654–1667), оставив казаков невостребованными на военной службе. Государственная казна была истощена тринадцатью годами военных действий. Неурожай способствовал обострению ситуации с нехваткой продовольствия, как и прибытие на Дон тысяч беглых крестьян, спасавшихся от закрепощения по Соборному уложению 1649 г. Пополнив ряды беднейших казаков (голутвенных людей), они влились в отряды, с которыми Разин переправился с Дона на Волгу для того, чтобы промышлять разбоем

как верным способом не только прокормить своих приверженцев, но и снискать себе славу и деньги.

Спустившись на стругах до Астрахани, «воровские казаки» вышли в Каспийское море, захватили Яицкий городок, где провели зиму 1667–1668 гг., после чего отправились в Персидский поход, о котором имеется очень мало достоверных сведений [Никитин 2017: 35]. Известно, однако, что он продолжался более года, позволив казакам вернуться с богатой добычей. Дорогие персидские ткани, золотые кольца и драгоценные камни стали наживкой для астраханских воевод, побудив их в обмен на щедрые подарки выдать Разину государеву милостивую грамоту и пропустить его казаков вверх по Волге к Дону. Получив прощение, Разин не сдержал данное им обещание впредь беспрекословно подчиняться верховной власти царя Алексея Михайловича (1645–1676) и его ставленников. После своего возвращения в октябре 1669 г. на «тихий Дон» он принялся готовиться к еще более масштабному походу. Вопреки обычаю, Разин не распустил свое войско, численность которого неуклонно росла за счет новых сторонников, привлеченных как его удачей в борьбе против «нехристей», так и его щедростью по отношению к обездоленным. Третья глава заканчивается констатацией того, что посулы Разина освободить простой люд «от ярма и рабства боярского» дошли до Москвы, где вызвали беспокойство властей предрежащих. В целом, изложенные в ней события предстают как подготовка кульминационного этапа разинского движения 1670–1671 гг., когда оно приобрело ярко выраженный социальный подтекст, подпитываемый стремлением распространить казачьи порядки на всю Россию.

Воспоминания об удалом атамане Степане Разине остались жить в народе, слагавшем о нем песни и предания, в которых ему приписывались магические способности. Испытывая большой интерес к фольклору, Мериме переложил в изящной прозе собранные Костомаровым песни. Стоит отметить, что писатель никогда не делал стихотворных переводов. Даже поэма «Цыганы» и лирические стихотворения А. С. Пушкина «Гусар», «Анчар», «Кромешник», «Пророк» были переведены им в прозе [Шульц 1880: 3, 16–17, 47]. К слову, А. С. Пушкин создал поэтический цикл «Песни о Стеньке Разине» (1824–1826), который оставался неопубликованным вплоть до 1881 г. по причине цензурного запрета. Вошедшие в него три стихотворения были настолько проникнуты народным духом, что знаток творчества поэта Б. Л. Модзалевский ошибочно принял их за записи песенного фольклора [Березкина 1999: 176, 178, 184–185].

Центральную часть третьей главы очерка П. Мериме занимает рассказ о злодейском утоплении взятой в плен «персидской княжны», совершенном Стенькой Разиным по прибытии из Каспийского похода в Астрахань. Вслед за Н. И. Костомаровым, писатель не ставил под сомнение правдивость свидетельства Я. Я. Стрёмса, мемуариста — выдававшего себя за очевидца жестокой расправы атамана со своей любовницей [Стрёмс 1935: 201]. Однако обстоятельное исследование казачьих обычаев и преданий позволило современным разиноведам усомниться как в существовании

«персидской княжны», так и в самом факте ее утопления в Волге [Королев 2004; Неклюдов 2016]. Как убедительно показал С. Ю. Неклюдов, в процессе своего бытования легенда о принесенном Разиным жертвоприношении водяному духу прошла через разные этапы трансформации, одним из которых стала запись Костомаровым услышанной им версии «при собирании фольклорно-этнографических материалов во время саратовской ссылки 1848–1856 гг.» [Неклюдов 2016: 195]. Эта версия, помещенная в «Бунте Стеньки Разина» в добавление к пересказу свидетельства Стрёйса, была воспроизведена П. Мериме, хотя и не дословно [Костомаров 1859: 96; Mérimée 1865: 329]. Предание о Девичьем кургане — еще одна «уникальная фольклорная версия» легенды, записанная соотечественником Мериме, а также его собратом по перу Александром Дюма (1802–1870), совершившим путешествие по России и Кавказу в период с июня 1858 г. по март 1859 г. [Неклюдов 2016: 210–230]. Учитывая интерес Мериме к России, можно предположить, что он не мог пройти мимо путевых впечатлений А. Дюма, издания которых пользовались большим успехом среди читателей. Тем не менее к настоящему времени нам не удалось обнаружить в обширной переписке Мериме, относящейся к периоду созревания замысла его очерка о Стеньке Разине, какого-либо отклика на предание о Девичьем кургане в изложении А. Дюма.

В процессе перевода на французский язык народных песен о Стеньке Разине Мериме сталкивался с определенными сложностями, которые старался преодолеть с помощью своих русских друзей. Вот что он писал по этому поводу П.-А. Лебрэну, директору «Journal des savants»: «Терзаюсь сомнениями относительно смысла казачьего четверостишия; никто не смог мне его объяснить. Впрочем, разве имеет значение неверное толкование, которое может выявить только казак, а много ли у Вас подписчиков на берегах Волги и Дона?» [Darcos 1998: 409]. В подтверждение этим сомнениям писателя в ходе работы над переводом третьей главы нами было выявлено искажение смысла последнего четверостишия песни «Уж вы, горы, мои горы!», которое отмечено в соответствующем примечании.

Добавим также, что Мериме вносил в свой очерк понятия, привычные для французского кругозора, но отсутствующие в монографии Костомарова в силу их чужеродности для русского культурного сознания. В третьей главе обращает на себя внимание использование слов *aventuriers*, *corsaires*, *flibustiers* (соответственно ‘искатели приключений’, ‘корсары’, ‘флибустьеры’) применительно к казачьей ватаге, промышленявшей разбоем на Волге и Каспии, и непосредственно к Степану Разину. Грабительские походы Разина тем самым ассоциировались с морским разбоем XVII в. в Карибском море, о котором французский читатель имел весьма хорошее представление благодаря парижскому двухтомному изданию книги А. Эксквемелина «Пираты Америки» (1686). Сам Мериме признавался в одной из своих более ранних работ в том, что видит много общего между флибустьерами и казаками, чья «энергия в борьбе против целого общества» вызывала у него невольное восхищение [Гончарова 2023: 31].

При переводе на русский язык упомянутых выше понятий использовались слова, принятые в отечественной историографии разинского движения, — *удальцы, разбойники, морские разбойники, грабители*.

Приведенный здесь перевод третьей главы исторического очерка П. Мериме «Стенька Разин» осуществлен по французскому изданию 1865 г. [Mérimée, 1865: 316–334]. Два примечания, которыми сопровождал свой текст Мериме, помещены внизу соответствующей страницы. Остальные постраничные примечания составлены переводчиком для пояснения или дополнения содержания очерка.

III

23 марта 1668 года разбойники пустились в плавание по Каспийскому морю. Количество и мощь их судов неизвестны. В большинстве своем это были худо-бедно оснащенные струги. На них имелось несколько бронзовых пушек или скорее фальконетов. При этом абсолютно все, от капитана до простого казака, были воспламенены воинственным или религиозным энтузиазмом. Большинство из них война с мусульманами воспринималась как возможность искупления незначительных предосудительных поступков, совершенных по отношению к соотечественникам на Волге и Яике. Они верили в удачу своего предводителя, и ни предстоящие тяготы, ни жестокие лишения не могли отбить у них охоту участвовать в походе. Все лето и частично осень 1668 года прошли в набегах на западное побережье Каспийского моря, от Дагестана вплоть до территории южнее Баку. Опережая быстротой своих перемещений молву об их разбойничьих подвигах, они высаживались на берег, нападали на города и села, грабили их, а затем сжигали. Не найдя ничего стоящего, похищали людей для продажи в рабство. То сгибаясь под тяжестью богатой наживы, то спасаясь от яростного преследования воинственных племен, они добирались до своих судов и, отплыв подальше, начинали все сызнова. Порой во дворце посаженного на цепь или убитого персидского князя они затевали долгие разгульные пиры, а на следующий день пили только соленую воду и ели баланду из проса. С наступлением холодов Стенька принялся искать место для зимовки. Он обосновался на маленьком острове, названном русскими Свиным (*Свиной острог*)², соорудил вокруг рвы и палисады и разместил своих людей в шалашах из глины и камышей. Но и тогда он не тратил попусту время, обменивая пленных мусульман на попавших в рабство христиан. За трех или четырех христиан он отдавал, как говорят, только одного мусульманина. Этот обмен пришелся как нельзя кстати для того, чтобы пополнить его отряды, сильно поредевшие из-за болезней и сражений, и его слава от этого приумножилась. Разбойник прослыл крестоносцем, героическим воителем за веру. По России тогда прокатилась молва, что царь не имеет на Каспийском море судов для защиты своих подданных от неверных, в то время как бравый атаман в скором времени разобьет оковы пленников, наго-

² Предположительно Свиной остров, на котором обосновались казаки, находился «южнее Баку, недалеко от реки Курь». Совсем крошечный («длина — 0,9 км, ширина — 0,4 км»), он получил свое название из-за обитавших там кабанов. Позднее назван Дуваным в память о пребывании там казаков [Чертанов 2016: 107].

няя страх на варваров даже в их крепостях. Новая успешная вылазка вознесла Стеньку на вершину славы. Зимой по приказу шаха³ для истребления грабителей были снаряжены шестнадцать боевых кораблей с примерно четырьмя тысячами воинов на борту⁴. Флотилию возглавил Менеды-хан⁵, и поскольку он верил в то, что стоит ему лишь показать себя, как победа будет одержана, он взял с собой часть своей семьи, сына и дочь редкой красоты, в чем вскоре раскаялся. Персы потерпели разгромное поражение: тринадцать из их кораблей были захвачены⁶. Менеды-хану удалось бежать, но в руки к Стеньке попали его сын и дочь, с которыми разбойник поступил так же, как герои Гомера поступали со своими пленниками⁷.

Есаул, иными словами поручик Стеньки, которого казацкие поэты называют Ильей Муромцем⁸, кажется, немало способствовал наряду со своим предводителем этой победе. Как гласит народная молва, в ее достижении большую роль снова сыграла магия: «По морю Синему, по морю Хвальнскому (Каспийское море) плывет “Сокол”, легкий корабль. Вот уж тринадцать лет не бросал он якорь, тринадцать лет не подходил к крутому берегу, не видал золотой песок. Его бока крепки, как у дикого быка⁹, от носа до кормы изгибаются, как змея. Атаманом там — сам Стенька Разин, есаулом — Илья Муромец¹⁰. На Муромце темно-желтый кафтан, на том кафтане золотые пуговицы, а на каждой пуговице (выгравировано) по свирепому льву. Вот напали на

³ Шах Персии Сефи II Солейман (1666–1694) из династии Сефевидов [Никитин 2017: 30].

⁴ П. Мериме не указывает источник своих сведений, которые совпадают с информацией, приводимой Н. И. Костомаровым, только в отношении числа воинов на борту персидской флотилии. Костомаров писал, что в распоряжении персиян было «семьдесят судов; в них, по известию современников, было 3700 или 4000 персиян и наемных горных черкес» [Костомаров 1859: 75]. В других работах встречается упоминание о 50 судах персидской флотилии [Никитин 2017: 31].

⁵ Имеется в виду Мамеды-хан, наместник Астрабада, который фигурирует в тексте Н. И. Костомарова под именем Менеды-хана [Чертанов 2016: 108].

⁶ Н. И. Костомаров не приводит количество захваченных персидских легких судов, указывая на то, что «только три струга убежали с несчастным ханом» [Костомаров 1859: 76].

⁷ В поэме «Илиада», насыщенной сценами сражений между троянцами и ахейцами, захваченные в плен девушки и мальчики (мужчины предпочитали биться до последнего) попадали в рабство. Пленные девушки зачастую становились наложницами. Пленного сына Мамеды-хана звали Шабын-Дебеем, по свидетельству ряда исторических источников, в то время как «наличие у него сестры не подтверждается никакими документами...» [Неклюдов 2016: 190].

⁸ У Н. И. Костомарова есаулом Стеньки значится Ивашка Чернойрец [Костомаров 1859: 58]. Мериме не приводит настоящего имени есаула, довольствуясь устной традицией народной песни, в которой он зовется, как былинный богатырь, Ильей Муромцем.

⁹ Не знаю, правильно ли я перевел этот весьма непонятный текст:

И бока-то сведены по-туриному,
А нос да корма по-змеиному...

Слово *по-туриному*, как мне кажется, произошло от *тур*, дикий бык, зубр, но могло образоваться и от глагола *турить*, гнать; тогда его смысл такой: борта прочно подогнаны для быстрого плавания. — *Примеч. П. Мериме.*

¹⁰ Илья Муромец, или Илья из Муромца, — герой многих народных легенд. Это крестьянин колоссальной силы, лукавый, хитрый, обжора и пьяница, как типичный русский мужик. — *Примеч. П. Мериме.*

“Сокол” разбойники с проклятыми татарами и персами. Хотят они захватить, хотят разграбить “Сокол”, хотят взять в плен Илью Муромца. На верхней палубе стоит Илья Муромец, проводит он своей тросточкой по пуговицам, вспыхнули огнем его пуговицы, зарычали львы. Ах! Какой же страх охватил проклятых татар! В ужасе бросились они в Синее море!»¹¹

После победы, за которую Стеньке пришлось дорого заплатить потерей его казачьей элиты, он решил, что для него настало время вернуться в Россию и сыграть там более достойную роль, нежели роль морского разбойника. Он сделал себе имя; набрав вдоволь золота и трофеев, победив правителя, чей флаг до тех пор в одиночку реял над Каспийским морем, ему теперь хотелось показаться народу в роли мстителя за угнетенных. Итак, Стенька решил вернуться как можно скорее к Войску Донскому и привлечь его на свою сторону.

Чтобы добраться до берегов Дона, удалыцы могли выбрать один из двух возможных путей: подняться по Волге, по которой они спустились в предыдущем году (однако в таком случае им пришлось бы пройти мимо Астрахани), либо же по Куме, судоходной в то время, по свидетельствам современников, после чего войти в Маньчж, один из донских притоков. Разумеется, в последнем случае им пришлось бы не раз волочить свои струги по земле. Кроме того, им недоставало запасов провизии для перехода через пустынную местность. Взвесив все за и против, они устремились к Волге. Они понимали, что воевода спросит с них сполна за все их подвиги; однако они также знали, что простонародье и стрельцы были на их стороне, что московское правительство не решится строго наказывать казаков, возвращающихся с победой и к тому же связанных с Войском Донским; наконец, — и это было главным аргументом — они были достаточно богаты, чтобы подкупить тех, кто попытался бы помешать им пройти по Волге. В самом деле, у астраханских воевод, привычных к зрелищу возвращающихся из похода казаков, всегда имелись в запасе готовые милостивые грамоты для продажи.

При входе в один из рукавов дельты Волги казачья флотилия обнаружила учуг¹², принадлежавший астраханскому митрополиту¹³. В это время у казаков заканчивались припасы; к тому же их сражения с неверными, казалось, давали им право не ограничивать себя в пользовании имуществом Церкви. Посему они набрали рыбы, икры и орудий лова, которые могли им пригодиться. Взамен высадили на берег нескольких из освобожденных христианских пленников, которым отдали священные сосуды и другую церковную утварь, в свое время похищенную мусульманами и обнаруженную в ходе одного из грабежей, — таково было представление казаков о праве. Они собирались уже отправиться вверх по Волге, как вдруг им сообщили о появлении двух персидских бус, одна из которых перевозила товары, принадлежавшие частным лицам, а другая — подарки шаха русскому царю. Казаки немедленно вернулись

¹¹ П. Мериме перелагает в прозе народную песню «Уж как по морю, по морю синему» [Костомаров 1859: 76–77].

¹² Учуг — «преграда с сетями, устанавливаемая поперек реки для ловли рыбы» [Ушаков 1935–1940 (4): 1042].

¹³ Митрополит Астраханский и Терский Иосиф (1597–1671). Н. И. Костомаров подробно описал его мученическую гибель от хозяйничавших в Астрахани казаков под командованием Васьки Уса 11 мая 1671 г. [Костомаров 1859: 188–210].

в море и ограбили бусы. Оказавшихся на них стрельцов и других пассажиров они высадили на берег, оставив себе только сына персидского торговца, за которого потребовали с только что ограбленных ими людей выкуп в пять тысяч рублей.

Оба этих преступления не казались Стеньке достаточно серьезными, чтобы повлиять на ход его будущих переговоров с воеводой князем Прозоровским¹⁴. У того на самом деле были милостивые грамоты, однако получить их можно было только на его условиях. Демонстрируя непоколебимую самоуверенность, Стенька бросил якорь возле Астрахани, вышел на берег под приветственные крики народа и в знак верности властям оставил свой *бунчук* в приказной избе. *Бунчук* представлял собой копье¹⁵ с привязанным к его концу лошадиным хвостом и был символом власти атамана. Передавая его в руки властей, казак совершал акт подчинения и поклонения царю. Начались переговоры, в которых обе стороны выказали необыкновенную учтивость; в перерывах устраивались праздники и пиры. Воевода требовал: 1) чтобы казаки отдали ему свои морские струги в обмен на речные, которые он выдаст им для того, чтобы они смогли подняться по Волге; 2) чтобы они передали ему свои пушки; 3) чтобы они выдали властям находившихся у них на борту стрельцов-дезертиров и персидских пленных, взятых во время плавания в дельте Волги, вместе с их имуществом; 4) чтобы Стенька и его ватага заявили о своей покорности и поклялись впредь жить мирно.

Относительно последнего требования никаких сложностей не возникло. Стенька готов был поклясться в чем угодно. Струги ему теперь были без надобности, и он соглашался оставить их воеводе. Он также соглашался уступить те пушки, которые захватил на Волге и в Яицкой крепости, однако хотел оставить себе остальные, которые, по его словам, являлись его собственностью; тем более что они могли ему пригодиться при переходе через степи между Волгой и сторожевыми постами Дона, если на него напали бы кочевники — ногайцы и калмыки. Стенька категорически отказывался отдать мусульманских пленных и их товары: по законам войны они были его собственностью; кроме того, он не понимал, о каких беглых стрельцах шла речь: с ним были только свободные казаки¹⁶. На предложение воеводы осмотреть его судовые команды атаман вспылал, закричал о посягательстве на привилегии Войска Донского и о попытке получить от него уступки, о которых ничего не говорилось в милостивых грамотах.

¹⁴ Князь Иван Семенович Прозоровский (ок. 1618–1670) получил назначение первым воеводой в Астрахань в июле 1667 г., вторым стал его брат Михаил. Защищая Астрахань, был ранен бунтовщиками, после чего С. Разин сбросил его с церковной колокольни 22 июня 1670 г. [Mégimée 1865: 343–345].

¹⁵ Слово тюркского происхождения; первоначально *бунчук* — украшение из конских или волчьих хвостов для специального копья, ставшего символом воинской и публичной власти у азиатских кочевников [Худяков 2012: 23]. Впоследствии на протяжении XV–XVIII вв. бунчук использовался «как знак власти у турецких пашей, польских и украинских гетманов и атаманов русского казачьего войска» и представлял собой «длинное древко», на верхний конец которого крепился шар или острие копья, пряди из конских волос и кисти [Прохоров 1993: 176]

¹⁶ Донские казаки, многие из которых сами происходили из беглых, придерживались принципа «С Дону выдачи нет» [Никитин 2017: 19].

Спор был долгим и оживленным, но завершился соглашением сторон. Атаман был щедр, а воевода жаден. Уже получив богатые дары, князь Прозоровский обратил внимание на великолепную шубу на плечах Стеньки и, не колеблясь, попросил ее себе, намекая, что обладает влиянием в Москве. «Бери, — сказал Стенька, накинув шубу на плечи воеводы, — только не поднимай шума!»¹⁷ Они сошлись на том, что Стенька передаст столько судов и пушек, сколько сочтет нужным, и его беспрепятственно пропустят дальше по реке, не выдвигая никаких дополнительных требований. Персидским торговцам воевода посоветовал выкупить захваченные разбойником товары и даже выставил собственной заслугой то, с какой готовностью казаки продавали награбленное, стремясь поскорее выручить деньги.

Такая сделка, бывшая обычным делом по тем временам¹⁸, показалась казачьим бардам недостаточно поэтической для того, чтобы занять место среди их песен. По их толкованию, Стенька снова прибегнул к магии для того, чтобы избежать происков воеводы:

«Уж вы, горы, мои любезные горы! Раз вы так хотите, горы, мы расположимся лагерем у вашего подножия. У нас нет желания оставаться здесь ни год, ни даже пять дней: мы останемся на одну ночку и не сомкнем глаз на всем ее протяжении. Зарядим проворно наши ружья для того, чтобы проникнуть глубокой ночью в Астрахань, большой город, поскольку никто нас не видел, никто нас не слышал. Но воевода астраханский их видел, их слышал. Воевода отдает распоряжение зарядить сорок пушек и выстрелить в Стеньку Разина. — Ваши пушки меня не настигнут, ваши ружья меня не поймают. Словить меня, если будет мое желание, может только Маша, прекрасная дочь Астрахани. Маша спускается к кромке воды, машет своим шелковым платком. Она опустила шелковый платок в воду. Она обольстила Стеньку Разина, она будет его хозяйкой, она его пригласила. В ее доме накрыт стол; для чествования гостя выставлены пиво, медовуха; она наливает ему, чтобы он напился допьяна. Она укладывает его на свою кровать и отправляется предупредить власть. Тут же прибывают солдаты, молодые и красивые солдаты, которые сковывают ему ноги, руки надежными железными оковами. Они поместили Стеньку в маленькую железную клетку. Три дня его возят по Астрахани, три дня его морят голодом. Наконец Стенька просит у них всего лишь стакан воды для того, чтобы выпить глоток и вернуться в свою клетку: он вернулся в клетку, и вот он на Волге!»¹⁹

¹⁷ Н. И. Костомаров указал источником своих сведений о соболиной шубе С. Разина, нехотя отданной с плеча астраханскому губернатору, отрывок из хронографа И. И. Аверина, опубликованный в «Москвитянине» за 1841 г. Историк отметил избыток в нем анахронизмов, хотя и не ставил под сомнение содержащуюся в нем информацию [Костомаров 1859: 89–90]. Интересно в этой связи отметить, что вторая песня разинского цикла А. С. Пушкина «Ходил Стенька Разин в Астрахань-город торговать товаром» была создана на основе сказания о Стенькиной шубе, услышанного поэтом на псковской земле во время его ссылки в Михайловском 1824–1826 гг., до публикации хронографа Аверина [Березкина 1999: 183].

¹⁸ В изложении Н. И. Костомарова при заключении указанной сделки С. Разину сопутствовала удача. «Необыкновенная сила воли, все преклонявшая перед Стенькою и даровавшая ему звание волшебника, покорила ему и воевод» [Костомаров 1859: 88]. Мериме толковал сделку на более обыденном уровне.

¹⁹ П. Мериме перелагает в прозе народную песню «Уж вы, горы, мои горы!» [Костомаров 1859: 90–91].

Последний пассаж нуждается в комментарии для тех, кто не занимался изучением магических обрядов. Следует знать, что ни один чародей не сможет сотворить чудо, если не будет иметь под рукой первичной материи для своего колдовства. Казак хочет сбежать из тюрьмы на Волгу. Он просит стакан воды, который ему опрометчиво приносят. Он ныряет в этот стакан, само собой уменьшившись в размерах, исчезает и оказывается на Волге, куда впадают все воды Астрахани²⁰.

Роскошь, щедрость, широкие жесты атамана привели в восторг жителей Астрахани. Снасти на его струге были свиты из шелка, а паруса пошиты из дорогих персидских тканей. Его казаки вальяжно прохаживались по улицам в бархатных одеждах с золотыми цепочками на шее и драгоценными камнями на шапках. Стенька был обходителен со всеми, особенно с бедняками, и раздавал золото пригоршнями. Когда он сходил на берег, народ падал перед ним на колени и величал его не иначе как *батюшкой*, так вассал называет своего сюзерена.

Однако иногда героическая маска, которую надевал на себя Стенька Разин, спадала, и под ней обнаруживалось истинное лицо свирепого бандита. Я уже писал о том, что на его струге была дочь персидского адмирала, а у азиатов так много смирения, что единственной целью этой молодой женщины стало понравиться повелителю, которого ей определила война. До селе с пленницей хорошо обращались. Незадолго до отплытия к верховьям Волги атаман пировал с ней и несколькими командирами своего войска. Вероятно, ужин несколько затянулся, и большая часть пирующих захмелела. Стенька внезапно поднялся и, опершись на борт своего струга, любовался течением реки. «Ах, Волга-матушка! — воскликнул он. — Прекрасная река, милая моя, ты дала мне золота, серебра и другого добра; как добрая мать, наделила меня славой и богатством, но ничего еще не получила от меня взамен! Но погоди...». При этих словах он хватает пленницу и бросает ее в реку. Свидетель случившегося, голландец²¹, заметил, что на ней в это время было множество драгоценных камней значительной стоимости, которые Стенька не потрудился с нее снять. Г-н Костомаров задается вопросом, был ли этот жестокий поступок вызван опьянением, или же Стенька, переняв суровость запорожских казаков, изгонявших женщин из своих лагерей, хотел продемонстрировать своему отряду, что готов пожертвовать любовью ради инте-

²⁰ Последние две строки народной песни после того, как Стенька попросил у сороживших его солдат стакан воды, в прозаическом переводе Мериме звучат иначе. Вместо песенного «Он во клетке окатился — / И на Волге очутился» [Костомаров 1859: 91] Разин просит стакан воды, возвращается в клетку и оказывается на Волге. Очевидно, здесь Мериме смешивает глаголы *окатиться* (т. е. облиться) и *оказаться*, из-за чего несколько искажается смысл исходного текста: если в тексте песни Стенька обливается водой из стакана, то в переложении Мериме он уменьшается в размерах и ныряет в стакан.

²¹ Вероятно, речь идет о Яне Янсене Стрёйсе (1630–1694), который с 1668 по 1670 г. служил парусным мастером в России. Свидетель движения Степана Разина, он после возвращения в Голландию издал в Амстердаме свои записки «Три путешествия» (1676), которые имели большой успех и были переведены на несколько языков [Стрёйс 1935: 24, 201]. Н. И. Костомаров неоднократно ссылался на записки Я. Я. Стрёйса в «Бунте Стеньки Разина».

ресов братства²². Немного спустя один из его казаков, который ввел в соблазн местную женщину, был утоплен по приказу Стеньки, а женщина — повешена за ноги. У запорожских казаков взять женщину с собой в поход считалось преступлением, которое каралось смертью. Наконец, еще одним возможным объяснением этого неистового поступка может быть вера Стеньки в какой-нибудь языческий обычай и желание принести искупительную жертву матери Волге, которую он считал божеством.

Гибель бедной пленницы, хорошо задокументированная голландским путешественником, находившимся тогда в Астрахани²³, приобрела в народных сказаниях магический ореол, которым окутаны все действия Стеньки. Уже не Волга, а Каспийское море принимает жертву. Стенька плывет по морю на своей чудесной кошме²⁴ с казаками и персидской княжной. Поднимаются волны, море угрожает поглотить их. «Море злится на нас из-за этой женщины», — говорят казаки. Стенька бросает ее в волны, и буря сразу утихает²⁵.

Прощаясь со Стенькой, астраханский воевода посоветовал ему для порядка вести себя более осмотрительно и не принимать к себе в войско царских подданных — одним словом, не компрометировать ни его, ни себя самого. Для большей надежности Стеньку должен был сопровождать до границы казачьих земель московский служилый²⁶. Несмотря на присутствие надзирате-

²² У Н. И. Костомарова ничего не говорится о том, что Разин перенял запорожский обычай изгонять женщин из своих лагерей. Он писал лишь о том, что «Стенька, как видно, завел у себя запорожский обычай: считать непозволительное обращение с женщиной поступком, достойным смерти» [Костомаров 1859: 94–95]. Мериме, как и Костомаров, сосредоточил внимание на поиске объяснения жестокому поступку Разина, тогда как большинство современных исследователей считает историю с утоплением персидской княжны «абсолютно недостоверной» [Никитин 2017: 35].

²³ См. примеч. 21.

²⁴ В толковом словаре Д. Н. Ушакова приводятся два значения слова *кошма*: «1) большой кусок войлока; 2) многорядный плот из мелкого леса (на Волге)» [Ушаков 1935–1940 (1): 1493]. По-видимому, в данном случае слово кошма используется в первом значении войлока из овечьей или верблюжьей шерсти, имевшего распространение у скотоводческих народов Средней Азии, так как «по одной из легенд, Разин привез из Персии волшебный ковер» [Королев 2004]. Надо полагать, что под «чудесной кошмой» Разина подразумевается войлочный ковер.

²⁵ Мериме пересказывает в свободной форме народное сказание, записанное Н. И. Костомаровым. «В русском фольклоре песня на этот сюжет неизвестна. Народные предания о расправе Разина с любовницей носят легендарно-сказочный характер» [Березкина 1999: 179]. Гибель персидской княжны стала источником вдохновения для А. С. Пушкина при создании песни «Как по Волге реке, по широкой» (1826) из разинского цикла. Песня «Из-за острова на стрежень» (1883) на слова Д. Н. Садовникова, самым известным исполнителем которой был Ф. И. Шаляпин, очень быстро снискала репутацию народной.

²⁶ В оригинале «un officier moscovite» [Mérimée 1865: 329]. Мериме употребляет обобщенное выражение, которое мы посчитали необходимым перевести так же обобщенно «московский служилый», в то время как у Костомарова речь идет о *жильце*: «Четвертого сентября воеводы отправили казаков на Дон <...>; их провожать должен был жилец Леонтий Плохово до Царицына, а от Царицына до Паншина отряд из пятидесяти стрельцов» [Костомаров 1859: 96]. Имеется в виду Леонтий Богданович Плохово, которому было поручено следить, «чтобы они (казаки), идучи Волгой, никакого дурна не учинили бы» [Половцов 1896–1918 (14): 128]. Жильцы как «чиновно-статусная группа Государева двора во 2-й трети 16 — нач. 18 вв.» представляли собой низшую прослойку московских чинов. В жильцы шли, как правило, молодые люди, средний

ля, Стенька продолжал принимать к себе беглых крепостных и дезертировавших солдат. На упреки служилого он отвечал, что казаки никогда не выдают тех, кто просит у них убежища. По прибытии в Царицын Стенька встретил некоторых из своих товарищей, приехавших с берегов Дона за солью. Они пожаловались ему на бесчинства воеводы. Стенька вступился за них и, уже изображая из себя освободителя, пригрозил воеводе²⁷ страшной карой, если впредь тот осмелится притеснять казаков. Повод не заставил себя ждать. Как известно, казаки, опасаясь собственной неводержанности, никогда не брали с собой в походы крепких напитков, а по возвращении вознаграждали себя за это продолжительными кутежами. Страшась, как бы пьянство не спровоцировало разбойников на совершение насильственных действий, царицынский воевода по их прибытии вдвое поднял цены на водку в надежде на то, что казаки поскупятся и не станут напиваться допьяна, — по крайней мере так он ответил на их жалобы, — однако Стенька не дал себя провести²⁸. Он сошел на берег, выбил дверь приказной избы и, вероятно, расправился бы с воеводой, если бы тот вовремя не спрятался. Устав от бесплодных поисков, Стенька велел сбить замок с дверей тюрьмы, выпустил заключенных на волю, и казаки, пьяные и ободренные примером атамана, разграбили два торговых судна. Капитан одного из них, везший царские грамоты астраханскому воеводе, запротестовал и показал свои бумаги. Казаки расхохотались ему в лицо и разорвали грамоты в клочья.

Когда вести об этих насилиях дошли до Астрахани, князь Прозоровский отправил к Стеньке немецкого капитана, уполномоченного потребовать возмещения убытков под страхом царской немилости. «Скажи своему воеводе, — ответил Стенька, — что я не боюсь ни его, ни более могущественного, чем он. Мы еще увидимся и сведем счеты. Сейчас он задирает нос и пытается обращаться со мной как с холопом — со мной, вольным человеком от рождения; но я сильнее его, и однажды он это поймет».

Такие речи нравились толпе. Оскорбляя и унижая гордецов, атаман выступал в роли посланного небом заступника крепостных. Сравнивая свои убожество и нищету с казачьей отвагой и вольностью, они говорили себе, что для того, чтобы стать казаком, достаточно подпоясаться саблей и пожелать ему

возраст которых составлял 26 лет, выходцы из титулованной и нетитулованной знати. «В круг обязанностей жильцов входило постоянное пребывание при царском дворе (от 40 и более жильцов, составляя одну из групп служителей-охранников, жили во дворце; отсюда и название этой группы), служба в приказах и различных дворцовых ведомствах. Их часто использовали как царских гонцов, они выполняли отдельные административные и дипломатические поручения, но не занимали заметных постоянных должностей» [Осипов 2004–2017 (10): 90]. Стремясь к тому, чтобы сделать свой текст как можно более доступным для французского читателя, Мериме, в отличие от Костомарова, старался не употреблять русские термины XVII в.

²⁷ Андрей Дементьевич Унковский, московский дворянин, воевода в Царицыне с 1666 по 1669 г. [Клушин 2015: 23].

²⁸ «Испытывая давнюю неприязнь к воеводе Андрею Унковскому, который притеснял приезжавших в Царицын “для всяких покупок” казаков и постоянно информировал Москву об обстановке на Дону, атаман был взбешен еще и тем, что, рассчитывая поживиться за казачий счет, Унковский распорядился продавать вино за двойную цену» [Никитин 2017: 36].

воспользоваться. Где бы ни проходили разбойники, они разбрасывали семена бунта, которые вскоре должны были взойти.

Наконец Стенька перебрался с Волги на берега Дона. Вместо того чтобы отправиться в Черкасск, столицу казачества, где жила его жена с семьей, он остановился на маленьком острове Кагальник на Дону, укрепил его рвами и частоколами и построил хижины. Его войско насчитывало тогда около 1500 человек, однако по истечении месяца оно почти удвоилось²⁹. Всю зиму Стенька оставался на острове, делая вид, что помышляет лишь о мирном существовании, которое позволит ему пожинать плоды своих трудов. Несмотря на почитание со стороны его соратников, казалось, что он отрекся от своего атаманского звания, жил как простой казак, обходительный со всеми, милосердный к обездоленным и всегда готовый поделиться своими богатствами со старыми товарищами. Бедные благословляли его. Однако те, кто приезжал издалека посмотреть на отважного разбойника, слава о котором гремела по всем станицам, пересказывали его желчные речи о боярах и царских приближенных. По его словам, они принуждали царя и разоряли народ ради собственного обогащения³⁰. Он не щадил и своего крестного отца, атамана Яковлева³¹, и обвинял его в том, что тот по любому поводу поступает в интересах и жертвует старинными привилегиями Войска Донского³². Недовольные, *голытьба*, стекались на его остров. Стенька радушно принимал всех, но ни с кем не делился планами, которые, возможно, составлялись у него в голове. Нравы его ватаги, которая в прошлом так легко шла на грабеж,

²⁹ Н. И. Костомаров писал по этому поводу с опорой на «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина» (М., 1857) следующее: «Когда он (Разин. — Т. Г.) пришел из Царицына, войско его состояло из полутора тысячи, а через месяц, как доносили посылаемые царицынским воеводою, у него было две тысячи семьсот человек» [Костомаров 1859: 102].

³⁰ «Легко было возмутить народ ненавистью к боярам и чиновным людям; легко было поднять и рабов против господ. Но было трудно поколебать в массе русского народа уважение к царской особе. Стенька <...> решил прикрыться сам личиною этого уважения» [Костомаров 1859: 145]. Следуя этой логике, Разин связывал с боярской «изменой» кончину царицы Марии Ильиничны Мирославской (1624–1669), царевича Алексея (1654–1670), наследника престола, и царевича Симеона (1665–1669) [Никитин 2017: 43].

³¹ Корнилий Яковлевич Яковлев (ум. 1680), именуемый Корнило Яковлев, войсковой атаман на Дону. Его резиденцией был г. Черкасск (совр. станица Старочеркасская). Принадлежа к домовитым казакам, Корнило Яковлев старался удержать гольтыбу от разбойных действий. Ему удалось воспрепятствовать намерению Степана Разина «поплыть по Азовскому морю и пошарпать турецкие берега». Однако в апреле 1667 г. Разину удалось обмануть его бдительность, отплыв со своей ватагой на стругах вверх по Дону в поисках славы и денег [Костомаров 1859: 53–54; Mérimée 1865: 308].

³² Войско Донское возникло в середине XVI в. как «вольная республиканская колония» русских людей с твердым и свободолюбивым характером, которые «не желали мириться с государственными и социально-экономическими порядками Московского царства». После Смутного времени на смену союзным отношениям Донской республики с Россией пришли отношения вассалитета, «когда колония сохраняет и развивает свое народоправство, но вступает добровольно в регулярные сношения с метрополией, оказывая ей военную помощь, получая за то постоянную субсидию (“жалованье”）」 (1614–1671). Начало царствования Алексея Михайловича ознаменовалось попытками московского правительства умалить права казачьего круга [Сватиков 2023: 13–14, 99–101].

со временем изменились. Теперь Стенькины казаки выказывали почтение к перекупщикам, ехавшим торговать в Черкасск, и если и останавливали их, то только затем, чтобы купить за наличные их товар. За короткое время Стеньке удалось основать новую столицу, соперничавшую с Черкасском. Против старого атамана восставал новый.

Перед религией Стенька испытывал не больший пиетет, чем перед властями. Когда при пожаре сгорело несколько церквей, стали собирать пожертвования на их восстановление. Зная о Стенькиной щедрости, к нему обратились в надежде на обильную милостыню, однако получили только отказ. «На что нужны церкви? — говорил Стенька. — К чему попы? Ах! Неужели чтобы венчать народ? Я покажу вам, как надо венчаться. Пусть молодые возьмутся за руки да пропляшут вокруг вербы — вот и весь обряд». Авторитет Стеньки был столь высок, что эта ритуальная пляска, позаимствованная из фольклора финских язычников, часто практиковалась казаками и считалась вполне законной, что вызывает удивление, принимая во внимание большую набожность русского народа³³.

Тем временем имя Стеньки уже было известно в Москве, и о нем начинали говорить со смесью любопытства и беспокойства. Астраханского воеводу упрекали в том, что он дал дорогу разбойникам. Он должен был их остановить, писали ему, отобрать у них добычу и в наказание за их злодеяния зачислить в московские стрельцы³⁴. Этот совет или приказ был получен с некоторым опозданием. От посланных на Дон лазутчиков приходили только неясные сведения: те либо не решались ехать в Кагальник, либо же им не удавалось разгадать планы Стеньки. Из их слов выходило, что атаман, похоже, отказался от прежней разбойничьей жизни, но пользовался огромной популярностью и имел склонность ею злоупотреблять.

Перевод с французского Т. Н. Гончаровой

Источники

Костомаров 1858 — *Костомаров Н.* Бунт Стеньки Разина // Отечественные записки. Т. 121. 1858. Кн. 11. С. 289–346; Кн. 12. С. 531–586.

Костомаров 1859 — *Костомаров Н.* Бунт Стеньки Разина. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1859.

³³ В начале 1670 г. в Черкасске произошел сильнейший пожар, в ходе которого сгорел Воскресенский войсковой собор на майдане. На созванном по этому поводу казачьем кругу Степан Разин усомнился в необходимости восстановления собора. «Некоторые историки на основании этого считают возможным причислить Разина к “беспоповцам” — одному из течений старообрядчества, но в данном случае, вероятнее всего, просто сказалась приверженность мятежного атамана языческим традициям, сохранявшаяся в народе еще не одно столетие» [Никитин 2017: 40].

³⁴ В монографии Н. И. Костомарова приведена цитата из царского послания воеводам Астрахани, из которого следовало, что «воеводы не поняли смысла милостивой грамоты, посланной для вручения казакам». Истинный смысл заключался в том, чтобы «отпустить казаков с моря на Дон, а не из Астрахани Волгою». К тому же, милостивая грамота давалась только на тот случай, когда их нельзя было бы поймать и отправить на стрелецкую службу [Костомаров 1859: 104–105].

- Костомаров 1991 — *Костомаров Н. И.* Стенька Разин // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. [Репринтное воспроизведение 1-го изд.]. Кн. 2. М.: Книга, 1991. С. 325–344.
- Маньков 1968 — Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Манькова. Л.: Наука, 1968.
- Стрэйс 1935 — *Стрэйс Я.* Три путешествия / Пер. Э. Бородиной; Ред. А. Морозова. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935.
- Mérimée 1861 — *Mérimée P.* Бунт Стеньки Разина // *Journal des savants*. Juillet 1861. P. 389–420.
- Mérimée 1865 — *Mérimée P.* Stenka Razine // *Mérimée P. Les Cosaques d'autrefois*. 2e éd. Paris: Michel Lévy frères, 1865. P. 295–369.
- Relation 1856 — Relation des particularités de la rebellion de Stenko-Razin contre le grand-duc de Moscovie. Épisode de l'histoire de Russie du XVIIe siècle précédé d'une introduction et d'un glossaire par le prince Augustin Galitzin. Paris: J. Techener, 1856.

Словари

- Осипов 2016 — Большая Российская энциклопедия: В 35 т. / Председ. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов [и др.]. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2004–2017.
- Половцов 1896–1918 — Русский биографический словарь: В 25 т. / Под набл. ... А. А. Половцова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918.
- Прохоров 1993 — Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993.
- Ушаков 1935–1940 — Толковый словарь русского языка: в 4 томах / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Литература

- Березкина 1999 — *Березкина С. В.* Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» А. С. Пушкина // *Русский фольклор*. [Вып.] 30: Материалы и исследования / Отв. ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. С. 176–185.
- Гончарова 2023 — *Гончарова Т. Н.* Когда Крымская война знакомит французов с украинскими казаками: исторический очерк П. Мериме // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. Т. 23. № 1. 2023. С. 26–46.
- Клушин 2015 — *Клушин А. А.* Царицынские воеводы, коменданты и городничие (1589–1862) // *Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества*. Вып. 8 / [Ред.-изд. Е. В. Астафьев]. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2015. С. 14–46.
- Королев 2004 — *Королев В. Н.* Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // *Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника*. Вып. 2. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. С. 82–120. [Цит. по републ. на: Раздорский этнографический музей-заповедник. URL: <http://museum-razdory.ru/images/donka-037.pdf>].
- Неклюдов 2016 — *Неклюдов С. Ю.* Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016.
- Никитин 2017 — *Никитин Н. И.* Разинское движение: взгляд из XXI в. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2017.
- Сватиков 2023 — *Сватиков С. Г.* Россия и Дон. История донского казачества: 1549–1917: Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. М.: Центрполиграф, 2023.

- Худяков 2012 — Худяков Ю. В. Копье и стрела как символы воинской и государственной власти у древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 20–26.
- Чертанов 2016 — Чертанов М. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 2016.
- Шульц 1880 — Шульц В. К. А. С. Пушкин в переводе французских писателей. СПб.: Тип. В. И. Грацианского, 1880.
- Cadot 2004 — Cadot M. Mérimée s'est-il intéressé à l'Ukraine? // Littératures. № 51. 2004. P. 117–128.
- Darcos 1998 — Darcos X. Prosper Mérimée. Paris: Flammarion, 1998.

References

- Berezkina, S. V. (1999). Istoriko-fol'klornye istochniki “Pesen o Sten'ke Razine” A. S. Pushkina [Historical and folklore sources of “Songs about Stenka Razin” by A. S. Pushkin]. In A. N. Rozov (Ed.). *Russkii fol'klor, Vol. 30: Materialy i issledovaniia* (pp. 176–185). Nauka. (In Russian).
- Cadot, M. (2004). Mérimée s'est-il intéressé à l'Ukraine? *Littératures*, 51, 117–128.
- Chertanov, M. (2016). *Stepan Razin*. Molodaia gvardiia. (In Russian).
- Darcos, X. (1998). *Prosper Mérimée*. Flammarion.
- Goncharova, T. N. (2023). Kogda Krymskaia voina znakomit frantsuzov s ukrainskimi kazakami: istoricheskii ocherk P. Merime [How the French public got acquainted with the Ukrainian Cossacks at the time of the Crimean War: A historical essay by P. Mérimée]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*, 23(1), 26–46. (In Russian).
- Khudyakov, Yu. V. (2012). Kop'e i strela kak simvol'y voinskoi i gosudarstvennoi vlasti u drevnikh i srednevekovykh nomadov Tsentral'noi Azii [A spear and an arrow as symbols of military and state power in ancient and medieval nomads of Central Asia]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7, 20–26. (In Russian).
- Klushin, A. A. (2015). Tsaritsynskie vovody, komendanty i gorodnichie (1589–1862) [Tsaritsyn governors, commandants and mayors (1589–1862)]. In E. V. Astaf'ev (Ed.). *Nizhne-Volzhskii istoricheskii sbornik tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva* (Vol. 8, pp. 14–46). Izd-vo TsGO. (In Russian).
- Korolev, V. N. (2004). Utopil li Sten'ka Razin kniazhnu? (Iz istorii kazach'ikh nraov i obychaev) [Did Stenka Razin drown the princess? (From the history of Cossack morals and customs)]. In *Istoriko-kul'turnye i prirodnye issledovaniia na territorii Razdorskogo etnograficheskogo muzeia-zapovednika* (Vol. 2, pp. 82–120). UPTs “Nabla” IuRGU (NPI). (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2016). *Legenda o Razine: persidskaia kniazhna i drugie siuzhety* [The legend of Razin: The Persian princess and other stories]. Indrik. (In Russian).
- Nikitin, N. I. (2017). *Razinskoe dvizhenie: vzgliad iz XXI v.* [The Razin movement: A view from the 21st century]. Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).
- Shul'ts, V. K. (1880). *A. S. Pushkin v perevode frantsuzskikh pisatelei* [A. S. Pushkin translated by French writers]. Tipografiia V. I. Gratsianskogo. (In Russian).
- Svatikov, S. G. (2023). *Rossia i Don. Istoriiia donsokogo kazachestva: 1549–1917: Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenii na Donu* [Russia and the Don. History of the Don Cossacks: 1549–1917: Research on the history of State and administrative law and political movements on the Don]. Tsentrpoligraf. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Гончарова

*кандидат исторических наук
доцент, кафедра истории Нового
и новейшего времени, Институт
истории, Санкт-Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5*

✉ t.goncharova@spbu.ru

Information about the author

Tatiana N. Goncharova

*Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department
of Modern and Contemporary History,
Institute of History, Saint-Petersburg
State University
Russia, 199034, St. Petersburg,
Mendeleevskaya Line, 5*

✉ t.goncharova@spbu.ru